

Ф. И. РОДИЧЕВ — ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО к В. М. ОЗЕРОВУ

Публикация С. И. Шкроба

Автор публикуемых писем—Федор Измаилович Родичев, впоследствии один из политических руководителей российской буржуазии, один из лидеров кадетской партии, стремившейся приостановить развитие русской революции.

В 1871—1875 гг. Родичев был студентом Петербургского университета. В эту пору он был настроен оппозиционно по отношению к существовавшим в стране порядкам и выражал надежду, что «все это лопнет и, может быть, скорее, чем ждут этого», что «недалеко то время, когда русский царь со всем своим потомством и верным дворянством подаст в отставку». В 1872 г., находясь проездом в Женеве, Родичев познакомился с Огаревым, а также с В. М. Озеровым, Валерианом Фениным и другими эмигрантами-революционерами. По возвращении в Петербург Родичев вступил с Огаревым и Озеровым в конспиративную переписку. В «пражской» и «софийской» коллекциях сохранились пять писем Родичева—четыре к Огареву и одно к Озерову (ответные письма неизвестны). Из этих писем мы узнаем о намерении Родичева написать брошюру об Антоне Петрове, руководителе восстания крестьян в селе Бездне, в 1861 г. Однако, несмотря на то, что Озеров, серьезно относившийся к этому намерению, договорился с А. Д. Трусовым об издании в Женеве брошюры Родичева, эта брошюра, повидимому, написана не была. В 1876 г. Родичев принял участие в сербско-турецкой войне в качестве добровольца. Вскоре он вернулся на родину и принял решение «пристроиться к земству».

Письмо от 31 мая/12 июня 1876 г., в котором содержится сообщение об этом решении, знаменовавшем самоопределение Родичева в лагере помещичье-дворянского либерализма, — последнее в сохранившейся переписке. О дальнейших связях Родичева с Огаревым (умершим через год) и Озеровым сведений не имеется.

Публикуемые письма представляют интерес в двух отношениях: во-первых, в качестве одного из источников той информации о русских делах, которой пользовался Огарев в последние годы своей жизни, и, во-вторых, в качестве документов, характеризующих политические настроения либерального общества в России середины семидесятых годов. В этом последнем отношении особенно любопытно письмо от 31 мая/12 июня 1876 г. Родичев выступает в нем с планом объединения либералов и революционеров. «Если бы лучшие люди земства,—пишет Родичев,—сплотились в тесную организацию и в тиши теперешнего царствования подготовили союз со столичной интеллигенцией и с пропагандистами, идущими в народ,—это была бы такая сила, которая подорвала бы всякий деспотизм...». План Родичева, враждебный по отношению к подлинно революционным силам страны, не остался без попыток претворения его в жизнь. От него тянутся нити к тактике группы черниговских земцев, возглавлявшейся И. Петрункевичем и А. Линдфорсом и связанной с тверскими земцами, в том числе и лично с Родичевым. Эта группа, представлявшая самое «левое» крыло в земско-либеральном движении семидесятых годов, вступила в 1878 г. в переговоры с народническими революционерами (Осинским и др.), призывая их к «временному прекращению разрушительной деятельности». «Понятно,—отмечает Ленин,—что ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли» (В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 36—37).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 168)—№№ 1, 2, 3 и «софийской коллекции»—№ 4; письмо к Озерову, помещенное в приложении, — по машинописной копии ЦГАОР.

1

(Женева. 22 июля 1872 г.)

Милостивый государь
Николай Платонович!

Я — русский; студент Петербургского университета. Имя мое — Федор Родичев¹. Я нахожусь проездом в Женеве. Если вы доставите мне возможность увидеть вас и сказать вам, как искренно и глубоко я вас уважаю, вы меня много осчастливите. Если вы будете так добры, что исполните мою просьбу, я вас просил бы письменно ответить мне, сегодня, если можно, по следующему адресу: Genève, rue Genève, 6 (pension Lerou). Я потому прошу вас ответить сегодня, что в четверг должен уехать. Если просьба моя покажется вам неуместной, нескромной, я наперед много прошу извинить меня и приписать мою смелость неопытности, а не недостатку уважения.

Ф. Родичев

22 июля 1872

P. S. Я вас очень прошу — во всяком случае, не оставьте мою просьбу без ответа и избавьте меня от мучительной тревоги ожидания и неизвестности.

P. P. S. Если вам неудобно будет позволить мне придти к вам, пришлите хотя вашу фотографическую карточку. И за это много, много буду вам благодарен.

Ф. Р.

¹ Родичев поступил на физико-математический факультет Петербургского университета в сентябре 1871 г. и в январе 1875 г. был утвержден в степени кандидата.

2

С.-Петербург. 10/22 марта (1874 г.)

Хочу напомнить вам об себе, дорогой Николай Платонович.

Уже четыре месяца я в Петербурге. Этот год — мой последний год в университете; сиюю дома и готовлюсь к экзаменам.

Расскажу вам кое-что, что делается у нас. Вы знаете, разумеется, что такое «Вперед». Я не читал в этом журнале ничего, кроме оглавления, и насколько по нем можно судить — это книжка довольно скучная и особенного значения иметь не может. Но III Отделение постаралось увидеть в ней опасность для государства, и Шувалов, говорят, поклялся головой, что не пропустит в Россию ни одного экземпляра. Но книжка сюда попала. Если бы Шувалов был человек, держащий слово, ему бы теперь нужно быть уж на том свете, но он предпочитает оставаться на этом и хватать разных студентов, заподозренных в держании у себя и в распространении этого журнала. Говорят, скоро будет в сенате какое-то дело о государственном преступлении¹. Подсудимых человек 30 — всё больше московские студенты. Кроме того, я слышал, будет судиться тоже по какому-то политическому обвинению Флеровский, которого имя вам, вероятно, известно, как имя автора книжки «О положении русского рабочего»².

Вы, вероятно, уже знаете, что самарский голод по высочайшему повелению прекращен. В этой губернии крестьяне еще осенью продавали скот для прокормления. В ноябре и декабре хлеб без примеси считался уже

роскошью. Тогда зимой была дозволена подписка частная в пользу голодающих: «Дамский комитет для попечения о раненых» стал принимать и собирать пособия. Официально голод не был признан, и никакой правительственной помощи голодающим доставлено не было. Послали в Самару от дамского комитета графа Орлова-Давыдова для «принятия мер» и для раздачи хлеба на деньги, собранные дамами, до 400 000 рублей. Царь послал туда же некоего генерала Ефимовича, который вместе с Орловым донес, что губернатор уже обо всем распорядился, что случаев голодной смерти не было и что голодающих скоро не будет (почему не будет, генерал не объяснил — вероятно, перемрут). На основании такого донесения дамский комитет закрыли, объявив благодарность распорядительницам, сбор прекратили и даже приказали убрать с улиц кружки для сбора и невинные воззвания к благотворительности. Не следует забывать, что все это время, всю зиму, здесь кормили, поили, веселили целую стаю голодающих тоже принцев прусских, датских, английских³. (...) На днях один из наших товарищей, по фамилии, если не ошибаюсь, Пыпин⁴, пропал (одни говорят, что его засадили на восемь месяцев, другие — что его выслали из Петербурга) после того, как в трактире сказал, что на деньги, которые тратят по случаю свадьбы на праздники и приданое, можно бы накормить голодающих самарцев. Может быть, такие факты разбудят, наконец, сонных и возбудят равнодушных. Мне кажется, теперь больше, чем когда-нибудь, полезно будет издание вроде «Колокола». Право, есть много хороших стремлений, которые пропадают, оттого что не видят дороги. Все ждут живого слова, указания. Не в нашей литературе искать его, и невольно ждут этого слова из-за границы. Такое дело при таланте, хоть сколько-нибудь живом, непременно вызовет сочувствие и поддержку. «Вперед» Лаврова проходит же в Россию и читателей находит и почитателей даже.

Не знаю — может быть, я ошибаюсь сильно и воображаю то, чего нет, — мне кажется, что у многих появляется весьма определенное недовольство и что оно начинает принимать деятельный характер. Я думаю, что так, как теперь, долго продолжаться не может и что все это лопнет и, может быть, скорее, чем ждут этого: Кто знает, право, что не станет тот день, когда я увижу вас здесь, в России. Ведь не могло же бесследно пропасть всё, что посеяно в пятидесятых, шестидесятых годах. Говорят часто, что народ всегда предан и никогда не встанет против царя, которому он благодарен и которого любит. Это неправда. Без всякого преувеличения и положи руку на сердце я скажу, что любви к царю вы не найдете ни в одном русском мужике. Может быть, это мелочь — я этой зимой не раз в толпе народа слышал относительно царя и его семейства самые нелестные выходки и предположения.

Нужно кончать; извините меня, если я надоел. Озерову⁵ мой поклон, я ему буду писать. Фенину⁶ тоже кланяюсь.

Ф. Родичев

Если Sutherland'у⁷ нужно что-нибудь в Петербурге, напишите ему, что я для него готов сделать всё, что могу и умею.

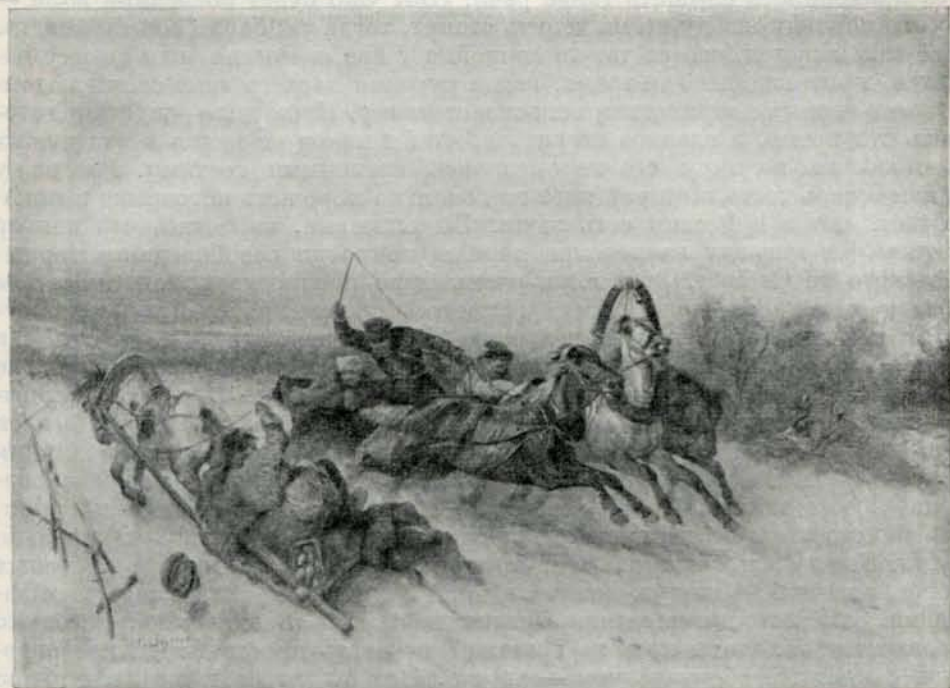
Ф. Р.

¹ Родичев имеет в виду «процесс долгушинцев»; аресты долгушинцев начались еще в 1873 г.

² *Флеровский* — псевдоним известного публициста-народника В. В. Берви, автора работ: «Положение рабочего класса в России» (1869), «Азбука социальных наук» (1871) и др. В связи с долгушинским делом был 1 октября 1874 г. арестован и привлечен к дознанию. За недостатком улик был освобожден от суда и выслан в Архангельскую губернию.

³ 11 января 1874 г. состоялось бракосочетание дочери Александра II Марии Александровны с принцем Эдинбургским, в связи с чем в Петербург приехало шесть иностранных принцев, для которых устраивались парады, торжественные обеды и разные увеселения.

⁴ Вероятно имеется в виду А. А. Пышин, который был студентом Технологического института. Он работал на заводе Семяникова и вел революционную пропаганду среди рабочих. Был арестован весной 1874 г. (точная дата ареста не установлена). В 1877 г. его судили по «процессу 193-х».

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ

Картина маслом Н. Е. Сверчова, 1860-е гг.

Собрание А. С. Минкина, Ленинград

⁵ О В. М. *Озерове* см. выше, во вступительной заметке к публикации его писем к Огареву.

⁶ О В. *Фенине* см. ниже, на стр. 762 настоящего тома.

⁷ Генри Сетерланд.

3

(Петербург. 20 февраля 1875 г.)¹

Письмо это, дорогой Николай Платонович, пишу на авось, не зная даже, где вы теперь находитесь. Последний раз я вам писал, когда летом разбиралось дело о прокламациях². В августе я вернулся из деревни и на этих днях кончаю свои дела в университете и сильно затрудняюсь, что с собой делать. Хотелось бы попасть на год-другой за границу, да из-за военной повинности нельзя; жду, что скоро лоб забреют. Этой судьбы я, впрочем, не очень боюсь и даже вовсе не прочь, лишь бы только офицеры не дрались.

Передавал ли вам Оз(еров) о проекте маленьком — рассказе об Антоне Безднинском?³ Даете ли вы свое благословение на это дело? Я думаю, что оно очень может быть полезно — оно может напомнить тем, у кого всякая надежда пропала, что русский народ — не всегда глупсе

стадо, которое трепещет исправника, и, с другой стороны, может, я думаю, показать, что может найти отзыв в народе. Часто приходит в голову мысль — когда ждали в конце пятидесятих годов новых времен, сколько людей искренно желало народу настоящей воли. Неужели они уже все стали равнодушны и теперь не отзовутся на требование «настоящей воли», как говорят крестьяне? К сожалению, я и все мне подобные все-таки в глазах народа — баре, с которыми надо ухо остро держать, а все-таки не раз приходилось слышать такие речи: «Вот ужó будет последняя воля — землю поровну между всеми делить станут, тогда уж барам совсем конец». Всё мне кажется, что не так-то спокойно у нас, в России, как сверху видится, и что недалеко то время, когда русский царь со всем своим потомством и верным дворянством подаст в отставку. Наше дело — ждать и готовить это время, а главное стараться, чтобы народ не видел в нас чужих и чтобы мы на пиру его не оказались незваными гостями. Расскажу я вам теперь весть, которая идет из довольно хорошего источника и показывает, что и в России есть люди. Вы слышали, вероятно, что доктор Боткин ⁴ в награду за лечение царицы попросил освобождения Чернышевского из Сибири. Этот слух очень было распространен, но потом заглох, а «Вперед» даже опровергал его. На деле, действительно, Б(откин) просил царя, и тот разрешил Ч(ернышевскому) переехать на житье в Саратов. Но Ч(ернышевский) объявил, что милости царя не принимает, тут она сейчас же перешла в гнев, и несчастного Ч(ернышевского) подвергли строжайшему надзору, отобрали книги, бумаги его — одним словом, хотят допечь вконец. И здесь новый начальник III Отделения ⁵ пошевеливается — опять нашел прокламации и производит аресты по всей России; впрочем, это вещь теперь столь обыденная, что никого этим не удивишь, да и прокламации искоренить трудненько будет. Всю печать так приперли, что кроме как об несчастиях на железных дорогах ничего не пишут, поневоле со скуки одной примешься за прокламации. Эти постоянные административные ссылки и заключения невольно подают мысль, чтобы хоть за границей печатать просто имена потерпевших с кратким обозначением — за что. Всё бы им на душе легче было бы — хоть другие знать будут. А то просто без вести люди пропадают. Охота-то у меня смертная, да руки-то коротки. Боюсь надоесть вам и кончаю.

Напишите, пожалуйста, ваш адрес. Очень бы хотелось повидаться с вами, да вряд ли удастся.

Весь ваш

Ф. Р о д и ч е в

Сегодня отвергнута жалоба подсудимых по делу о прокламациях. Бесчеловечный приговор утвержден, и пять человек пойдут на каторгу.

А я еще смеяться был готов над ними за речи о святых божиих и Иисусе...

¹ Обоснование датировки — слова постскриптума: «Сегодня отвергнута жалоба подсудимых по делу о прокламациях». Ходатайство пяти обвиняемых по делу Долгушиных, приговоренных к каторжным работам на срок от пяти до десяти лет, о смягчении приговора было отклонено 20 февраля 1875 г.

² Дело Долгушиных рассматривалось в сенате с 9 по 15 июля 1874 г. Письмо Родичева, написанное в это время, неизвестно.

³ В письме от 10 ноября 1874 г. из Флоренции Озеров сообщил Огареву о получении письма из Петербурга от Родичева и о том, что последний собирает «написать о Безднинском деле» (см. стр. 448 настоящего тома).

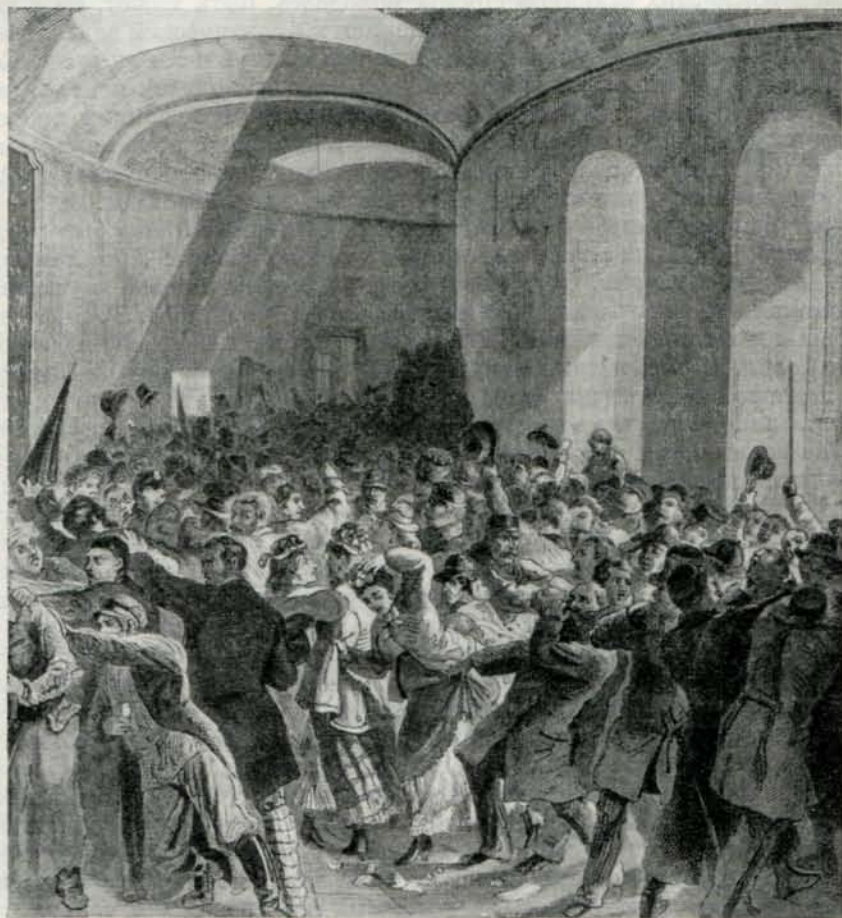
⁴ Сергей Петрович Боткин.

⁵ В 1874 г. шефом жандармов и начальником III Отделения был назначен А. Л. Потапов.

4

31 мая
12 июня (1876 г.)¹ Петербург

Давно не писал я вам, дорогой Николай Платонович! Я не знал вашего адреса и теперь пользуюсь отправлением за границу одного приятеля², чтобы послать вам известие об себе. С тех пор как мы расстались, я успел и с официальной наукой покончить и в военных побывать, и теперь имею

ПОДПИСКА НА АКЦИИ ПРИВИСЛИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ БАНКЕ 13 АПРЕЛЯ 1874 г.

Рисунок А. И. Зубчанинова

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу
Музей Революции СССР, Москва

чин отставного фейерверкера. Собираюсь на родину в Тверскую губернию, хочу пристроиться к земству. Не подумайте, ради Христа, чтобы я записался в число тех сеятелей и деятелей, которые болтают в земских собраниях и в буфете за рюмкой очищенной проповедывают о необходимости конституции. Я иду в земство потому, что вижу тут, во-первых, деятельность, практически полезную для народа, ибо всегда отрицал и отрицаю формулу «чем хуже — тем лучше»; только там мы, люди, родившиеся в привилегированной Руси, можем приобрести доверие народа, можем добиться пони-

мания наших стремлений. Если бы лучшие люди земства сплотились в тесную организацию и в тиши теперешнего царствования подготовили союз со столичной интеллигенцией и с пропагандистами, идущими в народ, — это была бы такая сила, которая подорвала бы всякий деспотизм и в истории оставила бы след, не менее славный и, быть может, более плодотворный, чем 14 декабря. И это не мое личное предположение, не праздная мечта, судя по тому, что я видел хоть в Тверской губ., где лет десять назад были порядочные люди одни Бакунины с компанией³, а теперь группируется возле этих стариков группа молодежи, быть может, не с таким запасом знаний, но с энергией и стремлением к практической деятельности. Моя мысль — что они неудержимо, фатально придут к союзу вроде Союза Благоденствия, и эта мысль, кажется, для всех становится яснее и яснее. Право, теперь самое тяжелое время александровской реакции проходит. Преследования растут, становятся свирепее и безобразнее; но поработанные, как зло за зло, всегда влекло ожесточенье⁴: преследуемые сплываются, очищаются, становятся решительнее, непримиримее. Я не могу не верить в будущность русского народа. Я прежде не прочь был предать, добродушному, правда, но все-таки осмеянию наших прокламаторов. Каюсь в этом. Сначала, когда это были последние могикане беспшашного нигилизма, в них много было фальшивого, смешного. Теперь самого слова нигилизм не услышишь, и прокламаторами являются люди совсем другого сорта. Я видел личности, которые одним своим появлением разубеждают всякого скептика и заставят вочью убедиться, какие еще люди есть на Руси, какая встречается беззаветная преданность, простота и чистота. И это не из одного образованного, что ли, сословия. На днях я был в Сенате — шло дело о двух мастеровых, обвинявшихся в распространении революционных книжек. Тут можно было наглядно убедиться, что пропаганда проникает в народ и падает не всегда на бесплодную почву; и еще больше можно было убедиться, что понятие о законности, о справедливости, хотя бы только формальной, вполне чуждо нашим судьям. Я знал, что там оправдательных приговоров не бывает, но знал теоретически, и до последней минуты не мог не верить в оправдание, ибо с юридической точки даже судей подсудимые были чисты, как голуби. Но для гг. сенаторов достаточно оказалось выразительного, умного лица, осмысленной речи и благородного поведения подсудимых, чтобы порешить преступника царской воли в Сибирь на каторгу. Что у вас слыхать о нашем величестве? Здесь одно время говорили, что он хочет отказаться от престола, ибо чересчур уже истаскался, и не состоялось это только потому, что не согласился наследник⁵. Дошли ли до вас вести о бывших тут похоронах политических? В следственной тюрьме помер политический арестант Чернышев от чахотки⁶. Ему устроили похороны, за которыми шли восемьсот человек. Поп струсил и сбежал. Толпа взяла гроб на плечи, снесла на кладбище, похоронила рядом с Добролюбовым, поставила крест с надписью «Борцу за правду и свободу». Конечно, это случилось потому, что полиция прозевала. Но такого ничего и в шестидесятых годах не было. Мы, очевидно, оживаем, а смелости не в пример больше становится. Ну, что, Николай Платонович, — дольше, как на десять лет, ведь царения русского не хватит, а доживем, даст бог, и раньшее.

Прощайте, крепко обнимаю вас.

Ф. Родичев

На первой странице сверху приписка:

Посылаю вам на память свой портрет.

¹ Год устанавливается по упоминанию о похоронах студента П. Ф. Чернышева, которые состоялись 30 марта 1876 г.

² Речь идет о М. П. Ловинском, письма которого публикуются выше.

³ В шестидесятых годах Александр, Алексей, Николай и Павел Александровичи Бакунины, братья М. А. Бакунина, активно участвовали в проведении крестьянской реформы 1861 г. в Новоторжском уезде Тверской губернии.

⁴ «Порабощенье (...) ожесточенье» — из стихотворения А. И. Полежаева «Провидение».

⁵ Ходившие в первой половине 1876 г. в Петербурге слухи о серьезной болезни Александра II и о возможности скорого воцарения Александра III отразились также в «Дневниках» А. А. Киреева (ЛБ, отдел рукописей) и Д. А. Милютина.

⁶ Павел Феоктистович Чернышев (1854—1876) — студент Медико-хирургической академии. В 1874 г. был арестован за пропаганду среди крестьян Самарской губ. Во время заключения заболел туберкулезом, был выпущен на поруки и вскоре умер. На его смерть написано стихотворение «Замучен тяжелой неволей...».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Ф. И. РОДИЧЕВ — В. М. ОЗЕРОВУ

(Петербург.) 20 января (1874 г.)¹

Давно уже, Озеров, собираюсь я писать к вам, но до сих пор не сумел улучшить времени; да потом не хотелось мне писать, не исполнив хоть одного из ваших поручений². Прежде всего узнавал я об Капустиной³: оказывается, что точно была такая старушка 48 лет, учительница, но теперь ее здесь нет — «выбыла неизвестно куда». Был и у Боголюбова⁴ дважды, но все не заставал. Я теперь завален работой — принужден безвыходно почти сидеть дома и мало знаю об том, что делается на белом свете, — во всяком случае, мало хорошего. Если до вас доходят вести отсюда, так вы наверно знаете, что теперь в России две вещи стоят на череду — царские пиры по случаю свадьбы⁵ и самарский голод. В этой хлебоборнейшей губернии от последовательных неурожаев крестьянское население пришло в такое состояние, что еще в сентябре (т. е. через месяц после жатвы) многие принуждены были продавать скот, чтоб кормиться. Теперь уже во многих уездах чистый хлеб — неслыханная роскошь, а хлеб, которым питается большая часть и которого образчики присланы сюда, больше похож на кизяк, которым на юге печи топят, чем на хлеб. Еще осенью романист граф Толстой поднял вопрос о подписке на помощь этим голодающим⁶. В декабре многие земства, следуя примеру московского, послали свои пособия или одновременно или в виде ссуд. Интересны были прения по этому вопросу в Москве в городской думе. Когда гласный Самарин⁷ предложил послать в Самару 50 000 р. на пособие голодающим, добрая половина гласных возопила, что это значит поощрять леность и туеядство, и только после долгих споров, после того как напомнили, что в 1866 на угощение американцев было без всякого спору ассигновано 30 000⁸, более совестливые умолкли, и предложение прошло незначительным большинством. Теперь здесь и в главных городах образуются комитеты (большею частью дамские) для сборов. Но дело идет туго — русские не любят давать денег, если при этом нет сооружения церкви, обеда, попойки и «высшего одобряющего начальства». Все свободные деньги жертвователей идут теперь на поднесение подарков «высокопареченной» невесте и на устройство торжеств по случаю свадьбы. Москвичи поднесли очень дорогие подарки невесте, а петербуржцы — ничего. Царь, говорят, на это очень рассердился и обиделся. Тем более, что на подписки в пользу самарцев правительство смотрит не то, чтобы уже очень сочувственно. Чувствуя безнравственность неслыханных трат на пиры (припомните, что с весны у нас не переводятся «августейшие» гости), оно с беспокойством смотрит на отношение общества к голоду*. Оно официально не признает его и не принимает экстренных мер, но

* Кстати или некстати вспомнил письмо из Вологды: вологжане обижаются — «Мы, пишут, тоже не едим, а никто не говорит, что мы голодающие. За что такое предпочтение самарцам? Это несправедливость». — *Примеч. Родичева.*

терпит комитеты помощи, если они организованы особами первых трех классов, а в случае, если за такое богопротивное дело берется человек, заподозренный в неблагоденности, как теперь говорят, — горе ему. Кн. Урусов, который был сослан в Лифляндию⁹, где-то в захолустье, но потом в виде милости переведен в Ригу, устроил там подписку, которая шла было очень успешно, но за это он был обвинен в каких-то злых умыслах и с жандармами выпровожден вон — обратно в чухонскую яму. На его величество находят, должно быть, какие-то судорожные припадки страха, который умные люди поддерживают. Вообразите себе, что когда он осенью ехал из Крыма в Петербург, в Москве полиция нашла какие-то прокламации (кажется, кроме ее да автора этих прокламаций — говорят, Лаврова¹⁰ — никто их не читал); из этого раздули целый процесс, который скоро будет в сенате, а царя перепугали до того, что он не поехал в Москву, а, свернув с обычного пути, проехал через Орел в Витебск.

Теперь здесь в Петербурге праздники идут за праздниками, придворные балы, иллюминации, царские охоты. Только и слышно, что такой-то бал стоил столько-то тысяч, а такой-то приезд столько-то, — одним словом, черт знает, что такое. Говорят, что 9 миллионов, ассигнованных в этом году на двор по официальному бюджету, кончатся в феврале и потребуются добавка, которая и обыкновенно бралась, но бралась в октябре и ноябре. Прекрасная картина, нечего сказать! Но здесь так все привыкли к таким вещам, что только слегка ворчат и то, когда говорить больше не о чем. С будущего года входит в силу уже обнародованный закон о всеобщей воинской повинности¹¹. Насколько я понял, фактическое изменение такое: прежде брали 6 человек с тысячи, и они служили от 8 до 10 лет действительной службы, т. е. с тысячи бралось 48 рабочих годов, а теперь будут брать 8 человек (привлекая и привилегированные сословия) на 6 лет — выходит, без малого, то же; немного хуже, ибо отвыкать от сельской жизни будут 8 человек, хотя в меньшей степени, и много лучше, потому что масса подвергнется влиянию образованных людей.

Относятся к этому дворяне довольно равнодушно, а купцы тоже не горюют, ибо не верят, чтобы в матушке России введена была такая повинность, от которой нельзя будет откупиться. Пока это отражалось, впрочем, недурно на купеческом сословии: насколько я знаю, многие заматерелые аршинники отдают своих детей в гимназии и хотят потом довести до университетов, чтоб избавиться от страшной рекрутчины, которая теперь, впрочем, уже не кажется так ужасна. Что из всего этого выйдет — не знаю; во всяком случае, я приветствую эту меру — авось встряхнет. Я лично рискую этим летом, как говорится, быть забритым. До завтра.

(21 января)

Вы, вероятно, уже знаете о рескрипте министру народного просвещения, Толстому, который дело народного образования, т. е. охранение от «тлетворных и ложных» влияний народных школ, буде таковые найдутся, ставит под покровительство дворянства¹². Разумеется, дворянство разных губерний не преминуло отозваться на такое любезное приглашение верноподданническими адресами. Вот оно, настроение-то нашего образованного общества. Я убежден, что такого тяжелого времени, как теперь, давно уже не было, даже после 48-го года. Все мертво и гнило. Старые слова опозлены до тошноты, нет никакой ясной цели перед людьми, нет ничего, что хватало бы за живое массы «общества», не говоря уже об народе. Что он думает, какое его настроение? Кто это знает? В сороковых годах при Николае было тяжело, может быть хуже, чем теперь, но тогда были у людей ясные цели, надежды, идеалы и было нечто такое, что наверно затрагивало народ, — отмена крепостного права. А теперь

у русской жизни нет никакой «инициативы», как говорил Герцен. Оттого-то, я думаю, все и бросаются или на мелочную деятельность, обыкновенно бесплодную, потому что и она может идти только во имя какой-нибудь общей идеи, или же упорно хватаются за старые знамена и ведут такие же речи, как в 61-м, 62 году, борются против того, против чего боролись тогда, или притворяются, что борются, преследуют партии, которых давно нет, или предаются воспоминаниям о людях, которые давно сошли со сцены. Да хоть бы это делали во имя чего-нибудь и мало-мальски с толком. А то не стыдно ли, что мы ничего почти не знаем теперь о движении конца 50-х и начала 60-х годов, знаем только смутно и неверно имена людей, пострадавших тогда, и даже не знаем, за что они пострадали. Одна из больших заслуг Герцена, что он собирал и печатал сведения о всевозможных жертвах Николая, даже самых ничтожных. А ведь в нынешнее царство они были куда больше, многочисленнее и куда легче узнать о судьбе их, и все-таки ничего не известно. Не знаю, что печатается в сборниках, издаваемых русскими эмигрантами. Должно быть, всё общие рассуждения на старые темы. А есть много дел, которые не худо бы вывести на свет божий. Например, железнодорожные дела. Поверите ли вы, что строители и разные деятели и сеятели прямо объявляют, что в их среде нет места честным людям, ибо их затрут. Если бы кто вздумал написать правдивую историю постройки русских железных дорог, мир бы увидел, до чего доходит широкая русская натура и в какой степени вновь народившиеся финансисты наши заткнули за пояс своих европейских учителей. В этом железнодорожном мазурничестве принимают участие все, не исключая и родственников царских. Вот маленький образец таких дел. Министр путей сообщения Бобринский (министром он сделался по протекции любовницы царя, m-me Шмит, которой гарантировал 800 000) проектирует новую дорогу вдоль Днепра и другую перпендикулярно к ней. Для непредубежденного человека причина этой постройки навсегда останется загадкой, если ему не объяснят, что проектируемые дороги пересекутся в «Смелом», имении Бобринского, и идут на расстоянии 50 верст (вся их длина около 80) по имениям его же. Дороги, разумеется, с гарантией государства, которое одно будет платить, а обязанность получать все выгоды берет на себя гр. Бобринский, верно-подданническому усердию которого нет пределов! Новая штука ведь может лопнуть, если заголосят финансовые и чиновные тузы. Поэтому их умасливают, закрывают глаза на их грешки, раздают другие концессии и т. д. А какие грешки? На лозово-севастопольской дороге рабочие от дурного помещения мерли тысячами, жалованья подрядчики ухитрились не выдавать под предлогом разных прогулов и штрафов. Тогда рабочие стали толпами уходить восвояси, большей частью в Владимирскую губернию. Но строитель Губонин на основании контрактов вытребовал их, и непокорные были возвращены по этапу. Инспектор этой дороги, человек вполне честный, довел до сведения кого следовало. Но дело замяли, назначили комиссию, которая ничего не открыла, и инспектор переведен на другую дорогу с отеческим внушением быть помирнее. Теперь еще ведут другую дорогу — самарско-сызранскую, «чтобы дать работу голодающему населению», и концессию дадут, кажется, Губонину же. Кстати, владельцы заводов окрест Самарской губернии и даже с Урала тоже благотворительствуют голодающим. Они посылают своих приказчиков вербовать рабочих, давая им задатки. О размере остальной платы умалчивают. Да, промышленное движение у нас порождает новую буржуазию, которая далеко превзойдет европейскую, ибо сохраняет в почти первобытной чистоте прежние чиновные добродетели, только размеры другие. С другой стороны, само собой разумеется, растет пролетариат. Неужели России суждено пройти той же дорогой, что и Европе, только еще грязнее и отврати-

тельнее? Хотел бы еще много вам написать, да этак хватит листов на черт знает сколько. Ваши поручения все потороплюсь исполнить. Относительно полковника Сокол.¹³ я передавал Курочкину через третье лицо. Не знаю, что из этого выйдет, схожу сам. Если вы когда вздумаете послать мне строчку-другую, я буду очень, очень рад. Пошлите по адресу, который сюда приложат, а оттуда доставят мне. Много кланяйтесь от меня Огареву. Скоро я ему хочу написать. Вам напишу еще, когда покончу со всеми поручениями. Извините меня, что до сих пор я их еще не исполнил всех, ей-богу некогда, да и в Петербурге-то я не очень давно. Фенину мой поклон. Простите мне мое бессвязное маранье и ответьте когда-нибудь всегда вас помнящему

Ф. Родичеву

В этом письме вам вложат адрес, на который вы можете писать ко мне. Для избежания траты времени напишите ваш настоящий адрес.

¹ Год написания письма устанавливается по упоминаемым в нем событиям (самарский голод, введение в действие нового закона о воинской повинности и т. д.).

² Из дальнейшего текста письма видно, что поручения эти состояли в наведении справок о некоторых лицах в России, которые в какой-то связи интересовали в то время Озерова.

³ Выяснить личность *Капустиной* не удалось.

⁴ Какой именно *Боголюбов* имеется в виду — выяснить не удалось.

⁵ См. примеч. 3 к письму № 2.

⁶ В № 207 газеты «Московские ведомости» от 17 августа 1873 г. было напечатано «Письмо к издателям» Л. Н. Толстого о самарском голоде. Письмо Толстого вызвало приток пожертвований в пользу голодающих самарских крестьян.

⁷ Имеется в виду гласный Московского земства Дмитрий Федорович *Самарин*.

⁸ 23 июля 1866 г. в Кронштадт с официальным визитом прибыла американская эскадра. После приема в Петербурге американские моряки поехали в Москву.

⁹ Известный присяжный поверенный А. И. Урусов был выслан в 1872 г. в г. Венден Лифляндской губ. за свои выступления при защите политических обвиняемых.

¹⁰ Речь идет о прокламациях, изданных долгушинцами. П. Л. Лавров не имел никакого отношения к составлению этих прокламаций.

¹¹ Первый призыв по новому уставу о воинской повинности начался 1 ноября 1874 г.

¹² Имеется в виду один из реакционнейших документов царствования Александра II — опубликованный 27 декабря 1873 г. рескрипт на имя министра народного просвещения Д. А. Толстого. Рескрипт возлагал наблюдение за народными школами на губернских и уездных предводителей дворянства.

¹³ Следует думать, что речь идет о полковнике в отставке Н. В. Соколове, авторе «Отщепенцев». Повидимому, он, находясь за границей в очень тяжелом материальном положении, искал литературной работы. Если это так, то упомянутый далее Курочкин — несомненно Н. С. Курочкин, ведавший библиографическим отделом «Отечественных записок».